

ЭТНОГРАФИЯ

Б.М. Алимова

К ПРОБЛЕМЕ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ В ДАГЕСТАНСКОЙ СВАДЬБЕ

(Исследование выполнено по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН, проект – «Традиционные обычаи и обряды народов Дагестана в советский период»)

В связи с глобальными процессами, которые происходят в обществе в настоящее время, исследование специфики в формировании этнокультурных явлений в различных областях жизни общества становятся весьма актуальными. Поскольку семья – основная социально-экономическая ячейка общества, то в ней так или иначе отражаются все основные стороны общественной жизни. С развитием и изменением общественной жизни постепенно меняется содержание внутрисемейных отношений, совершенствуются структура и функции семьи, но значение семьи в обществе и государстве сохраняется.

В рамках семьи осуществляются семейные обычаи и традиции, сопровождающие все значительные события в жизни человека. Именно в семейно-обрядовой культуре сохраняется этническая специфика и колорит, присущий тому или иному этносу.

В данной статье делается попытка проанализировать взаимосвязь и взаимовлияние традиционного и нового в развитии обычаев и обрядов, связанных с бракосочетанием и свадьбой в советский период (до 90-х годов XX в.).

Источниковедческую базу статьи составили полевой материал, собранный автором во время этнографических экспедиций в различные районы Дагестана, данные социологического опроса, а также литературные источники.

Известно, что становление новых традиций и обрядов непосредственно связано не только с развитием современного образа жизни, новыми потребностями и интересами человека, но и с теми старыми традициями и обрядами, которые вошли, в качестве составного элемента, в новые ритуалы. И поэтому прежде, чем перейти к характеристике современных свадебных обычаев и обрядов народов Дагестана, коротко остановимся на описании свадьбы конца XIX – начала XX в.в., которая отличалась удивительным многообразием различных церемоний и обрядовых действий, присущих тому или иному этносу, этнической группе. Заметные различия (как мы увидим ниже) в исполнении свадебных обрядов наблюдались у жителей Нагорного, Южного и равнинного регионов, хотя обрядовая культура народов Дагестана, в целом, и свадебная обрядность, в частности, имела много идентичных, схожих черт друг с другом. Такое сравнение, во-первых, даст нам возможность проследить динамику изменений в свадебной обрядности в разных регионах и у разных народов и этнических групп, во-вторых, поможет выявить как положительные традиции, получившие дальнейшее развитие за годы Советской власти, так и пережитки прошлого, бытующие у некоторой части населения, и, в-третьих, выявит степень трансформации свадебного обряда в разных регионах Дагестана и у разных народов.

По нашим полевым материалам и по данным литературных источников (Алимова Б.М., 1989. С. 11) свадебный обряд народов Дагестана конца XIX – начала XX в.в. состоял из трех основных этапов: предсвадебного, свадебного и послесвадебного. Каждый из этих этапов включал определенную систему обычаев и обрядов, которые бытовали у разных народов в различных вариантах.

Материалы, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что в конце XIX – начале XX в.в. браки заключались преимущественно по сватовству, хотя встречались и такие способы приобретения невесты, как умыкание, колыбельный сговор, левират, сорорат. Были известны браки, заключающиеся по инициативе девушки (аварцы, лакцы, андийцы, ботлихцы и др. народы Горного Дагестана) (Агларов М.А., 1964. С. 131; Исламмагомедов А.И., 2002. С. 271)

В рассматриваемое время обычным брачным возрастом для девушек кумычек было 15–16 лет, для юношей 16–17 лет; аварки выходили замуж в 17–19 лет, а юноши аварцы женились в 18–20 лет. Преобладающим брачным возрастом для лезгинской и табасаранской девушки, например, было 15–16 лет, а для юноши 17–18 лет.

В прошлом при выборе невесты первым долгом старались соблюсти принцип социального равенства, а также материального благосостояния, поэтому большинство браков были социально гомогенны (жених и невеста принадлежали к одной социальной группе).

Хотя, по традиции у большинства народов Дагестана сохранялся эндогамный брак, нередко девушек выдавали замуж в другие тухумы и даже в другие селения. В таких случаях выбор невесты и сватовство осуществлялись особенно тщательно. Прежде чем начать сватовство, родители юноши наводили справки о родителях девушки, их репутации, материальном состоянии, о составе родственных групп, личностных характеристиках ближайших родственников.

Наиболее тщательно процедура выбора невесты осуществлялась в феодальных сословиях. По сведениям наших информаторов, если в брак вступал князь или знатный уздень, то в первую очередь наводили справки о словном и имущественном состоянии невесты, т. к. брак для них всегда представлял имущественную и политическую сделку. В крестьянских же семьях при выборе невесты большое внимание уделяли ее физическим качествам, так как в молодой женщине видели, прежде всего, работницу и мать будущих детей. Немаловажное значение придавалось при этом общественному мнению как о самой невесте, так и о ее семье.

Старожилы, с которыми мы беседовали во время научных экспедиций, отмечали как непереносимое условие надежности брака в крестьянских семьях – экономическое равенство сторон. В с. Кумторкала (кумыки) информатор Абакаров Зайнутдин рассказывал: «К этому вопросу подходили так: у меня два быка и у них два быка – значит, подходит. Старались просить дочь у того, у кого два быка, а не четыре. Тот, у кого четыре быка, будет искать жениха равного. Так что разговор начинали с равными во всех отношениях людьми».

Преддверием свадебного обряда у всех народов Дагестана было сватовство, которое являлось очень ответственной брачной церемонией. Оно коренным образом отличалось от всех остальных «действий» свадебного обряда тем, что это был еще не публичный акт, а предварительный запрос, послание сватов в дом невесты для переговоров о будущей сделке. Для таких целей требовалась возможная секретность, так как отказ отца невесты выдать замуж дочь за данного претендента затрагивал честь тухума жениха. Поэтому родители юноши, обсудив кандидатуру невесты на семейном совете, до официального сватовства обращались к посредничеству какой-либо женщины с целью выяснить, не будет ли отвергнуто их предложение (кумыки, дагестанские азербайджанцы, терекменцы, горские евреи и др.).

У народов нагорного Дагестана (багулалы, чамалалы, ахвахцы, ботлихцы, агулы, рутулы, цахуры, табасаранцы, аварцы, даргинцы, лакцы, горные лезгины) первый визит в дом девушки наносили не посредники, а сами родители юноши. Так, например, у тиндалов сватать ходил отец, а мать после сговора несла в дом невесты пирог, курдюк и комплект одежды. У андийцев роль сватов выполняли доверенные односельчане. У аварцев общества Кегер был распространен другой обычай: для переговоров семья юноши приглашала к себе отца девушки на угощение и заводила разговор о его дочери. Но отец девушки ограничивался ответом: «Спрошу у дочери». Посоветовавшись с дочерью и другими членами семьи, он посылал своего представителя передать решение отцу юноши. Если решение было положительным, семья юноши посылала невесте 9 пирогов с сыром, которые символизировали крепость данного слова» (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 165).

У даргинцев этнографической группы Гапш (с. Уркарах) мать юноши, получив нужную информацию о девушке, 3–4 раза подходила к воротам ее дома и заводила разговор с ее матерью о своем намерении. ... Если ей разрешалось войти в дом, она вручала хозяевам «Иявак» – большой пирог с мясом и сыром. В данном случае, приглашение в дом означало согласие стороны невесты рассмотреть предложение о браке (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 166).

У табасаранцев и рутулов женщина-посредница «приходила в дом невесты с двумя ритуальными хлебами. Если мать девушки была согласна на брак, то она принимала принесенный хлеб. Противное означало отказ» (*Ихилев М.М.*, 1967. С. 182).

У дидойцев, андалалцев и в некоторых других обществах мать юноши оставляла в доме девушки свой хурджун с хлебом. Через день она за ним возвращалась. «По обычаю, если семья девушки принимала сватовство, она забирала принесенный хлеб и вместо него отдавала свой хлеб, если же была против – оставляла хлеб нетронутым» (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 167).

Мы обратили внимание на то, что у большинства народов Дагестана на данном этапе предсвадебных обрядов, в качестве основного обрядового символа фигурирует хлеб. Это, естественно, не случайное явление, поскольку о магической силе, придаваемой хлебу, как жизненно необходимому продукту, который символизировал изобилие и плодovitость, служил

оберегом, известно у многих народов мира (*Листова Н.М.*, 1983. С. 163). В частности, полагали, что магические свойства хлеба, используемого даже в самом первоначальном предсвадебном обряде, должны перейти на тех, кто прикоснется к этому хлебу. Отказ от обрядового хлеба был символом того, что семья невесты не хочет быть причастна к данному, предполагаемому в образе хлеба «берекету» (благоденствию).

Возвращаясь к сватовству, следует заметить, что процедура сватовства на этом не завершалась. На данном этапе решался лишь один главный вопрос – согласие семьи девушки (а в горных обществах и самой девушки) породниться с семьей юноши.

На заключительный этап сватовства в дом девушки посылались официальные сваты. При выборе сватов руководствовались их общественным влиянием, знанием традиций, сословными и имущественными соображениями. Сваты должны были быть людьми преклонного возраста, имеющими дружную и счастливую семью, большое потомство. Твердо установленным был обычай не посылать в роли сватов людей, славившихся «плохой ногой», «дурным глазом», «дурным характером». Ни в коем случае не допускалось, чтобы в составе сватов были люди, которые находятся в повторном браке, вдовцы, бездетные. Считалось, что люди, у которых не удалась семейная жизнь, могут магическим образом перенести свою незавидную долю на будущую молодую семью: чем авторитетнее семья девушки, тем авторитетнее должен быть сват. Иногда в качестве сватов могли быть приглашены и потомственные кунаки, пользующиеся особым авторитетом как в своем, так и в соседних селениях.

Для успешного завершения сватовства заранее предпринимались и другие предосторожности. Считалось, что не в любой день недели можно начинать сватовство. Для сватовства кайтаги и цахуры выбирали четверг или пятницу, табасаранцы – четверг или воскресенье, ботлихцы – понедельник или пятницу, годоберинцы – воскресенье или пятницу и т.д.

Из дома жениха сватам обязательно следовало выходить правой ногой. Сваты, боясь не только посторонних лиц, но и «нечистой силы», «дурного глаза», «плохой ноги», предпочитали идти в дом родителей невесты вечером, с наступлением темноты, не по обычной дороге, а изменив маршрут, используя при этом различные магические приемы и обереги. Нельзя было возвращаться с дороги, когда шли сватать, оглядываться назад. Все эти магические действия должны были обеспечить сватам благополучное завершение задуманного ответственного дела.

В целях таких же «оберегов» и «отворотов» враждебной силы сваты в доме невесты не сразу говорили о цели своего визита (хотя родители девушки и знали об этом), а говорили, главным образом, иносказательно, намеками, затрагивали тему сватовства издали, благодаря чему у каждого исследуемого народа, была создана своя особая лексика и образность мышления.

Получив согласие родителей невесты, сваты договаривались о дне официального обручения, которое сопровождалось сложной церемонией. Основная цель заключалась в передаче стороной жениха стороне невесты подарков, калыма (там, где он практиковался) и в оповещении односельчан и всех родственников о состоявшемся соглашении.

После принятия стороной невесты задатка сватам подавали угощение.

«При этих переговорах сватовство иногда и расстраивается вследствие несогласия одной стороны на условия другой», – пишет Н. Семенов о кумыках (*Семенов Н.*, 1895. С.298–299).

У разных народов, а иногда даже в разных обществах одного народа обручение оформлялось по-разному и имело свои особенности. Но везде оно носило характер общественной санкции (*Семенов Н.*, 1895. С. 298–299), которая не позволяла впоследствии отказаться от брака без веских на то причин. Приведем несколько примеров. У рутульцев обручение происходило с участием всех родственников. «При этом каждый родственник должен был делать один табак (табак – поднос. – Авт.), состоящий из отреза на платье, 2 пар (пара) вязаных носков, 1–2 куска мыла, конфет. Дядя, отделившиеся братья, замужние сестры на табак клали полный комплект одежды с головы до ног, одеколон, журабки, конфеты. Отец жениха, кроме двух табак для невесты, состоящих из комплектов одежды на все сезоны, делал еще 5 табак для родственников невесты. Кроме таких табак бывали 10 табак с ритуальными хлебами, среди которых выделялся ритуальный хлеб рыквын – большой хлеб, диаметром в 50–60 см и толщиной в 4–5 см, залитый халвой, который снимали с подноса сидящие на годекане мужчины и раздавали всем» (*Мусаев Г.М.-С.*, 1997. С. 209).

У чамалалов (с. Гигатль) было принято отправлять на обручение «большую делегацию, родственники вели с собой быка (бедные – овцу), намотав ему на шею отрез ткани на платье для невесты. Если семья жениха была богатой, вели коня для отца или брата. У багулалов акт обручения с вручением подарков происходил в доме жениха. Получив согласие, сторона жениха

приглашала будущую невестку в свой дом. Последняя в окружении подруг отправлялась по воду и с полным кувшином входила в дом жениха. Здесь их торжественно принимали, угощали, а на невесту надевали полный свадебный наряд. В тот же день она возвращалась домой и с этого дня считалась обрученной» (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 169).

У кумыков обручение носило характер торжественного акта с приглашением всей родни. Думается, что именно эта публичность увеличивала значимость совершенного акта.

У цахуров утром следующего после обручения дня жених посещал дом невесты с подарками. В состав подарков обязательно входили три обрядовых чурека, три круга овечьего сыра, поднос с халвой и сладостями. Вечером того же дня старшая сестра или тетя жениха также навещали невесту с подарками (шелковый платок, поднос с пловом и обязательно сладости). Навещали ее и другие родственницы. Обычно, они приносили поднос с вареной бараниной, поднос с пловом, поднос с сушеным мясом, головку сыра и обязательно три хлеба (*Курбанов К.Э.*, 1974. С. 139).

После обручения родственники жениха и невесты вступали в новые отношения. Они чаще общались друг с другом, совместно участвовали в полевых работах, помогали друг другу в организации различных радостных и печальных семейных событий. Таким образом, предсвадебный период имеет большое не только хозяйственно-экономическое, но и социально-психологическое значение.

В течение года и более невеста после обручения оставалась в доме родителей. Этот порядок представлял собой обрядность, соблюдавшуюся в ожидании выплаты калыма, подарков, подготовкой приданого и подарков для родни жениха. Кроме того, для невесты и жениха это был и период «избегания», который соблюдался у части народов (кумыки, дагестанские азербайджанцы, терекменцы, часть даргинцев и аварцев, ботлихцев). Эти избегания осознавались и истолковывались народом, как выражение уважения к старшим. Сильнее, чем у всех других народов Дагестана, избегание соблюдалось у северных кумыков и ногайцев.

У всех этих народов для смягчения избегания практиковались специальные обряды и обычаи.

В период от обручения до свадьбы родители и родственники жениха неоднократно делали невесте небольшие подарки, а накануне больших праздников (Ураза байрам, Курбан байрам) родня жениха посылала ей особые дары. Расходы по содержанию невесты частично лежали также на семье жениха. Она же брала на себя часть расходов по устройству угощения в доме невесты во время свадьбы. «За несколько дней до свадьбы, – писал Н. Семенов, – жених посылает родителям невесты от 20 до 30 рублей денег на расходы по угощению гостей» (*Семенов Н.*, 1895. С. 301).

После завершения подготовительных работ к свадьбе, предсвадебные обряды уступают место свадебным. Обычно, свадьбу справляли осенью, по завершении полевых работ, после сбора урожая. На свадьбу приглашались, как правило, все односельчане. За 2–3 дня, а иногда и за неделю до свадьбы у многих народов жених уходил в дом близкого друга или родственника. Уходила в специально подготовленный дом и невеста.

У рутулов, цахуров, в некоторых обществах лакцев, аварцев и др. бытовал обычай, по которому за две-три недели до свадьбы жених и невеста каждый со своей свитой посещали родственников: невеста своих, а жених – своих. В каждом доме для них организовывались угощения, развлечения. Рутульская невеста последний завершающий день своего визита проводила в доме дяди по матери – «дайи» (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С.212–213).

Завершающейся частью предсвадебного обряда у табасаранцев, лезгин, цахуров, дагестанских азербайджанцев, терекменцев был девичник – день, в который невеста прощалась со своими подругами.

У части народов Дагестана обязательным предсвадебным обрядовым действием было купание жениха в реке. Следует отметить, что кроме чисто гигиенических целей этот обряд имел и определенную сакральную подоплеку, поскольку воде приписывались повсеместно и магические очистительные свойства (*Филимонова Т.Д.*, 1983. С. 137–138).

Несколько слов следует сказать о свадебных платежах. У всех народов Дагестана, кроме калыма (там, где он был распространен), будущий муж должен был уплатить своей будущей жене и «кебин» («кебингъакъ»), который являлся обеспечением жены на случай развода или смерти мужа. У аварцев и аварской группы народностей, даргинцев, лакцев калыма, как отдельного от кебина выкупа, не существовало. Поэтому у горцев кебин был развит сильнее, чем у кумыков, дагестанских азербайджанцев, терекменцев и некоторых других народов.

С самого начала свадебного торжества во дворе дома жениха начинала играть музыка. С утра следующего дня начинали собираться гости. Все приглашенные в дом жениха и в дом невесты приносили подарки. Свадьба продолжалась в течение 4–7 дней, а порой и больше. У некоторых

аварцев свадьбу невесты устраивали не в доме ее отца, а в доме женщины, к которой она уходила за день-два до свадьбы. Во многих аварских обществах, у южных кумыков, части лезгин в день свадьбы мужчины – отец, братья невесты не принимали никакого в ней участия и перепоручали соблюдение всех обрядов дальним родственникам (аварцы), дяде по отцовской линии, дедушке (южные кумыки), дяде по матери (лезгины).

Подобные обычаи профессор С.Ш. Гаджиева зафиксировала у даргинцев (ср. Цудахар, Хаджал-махи и др.), андийцев и ряда других этнических групп аварцев, у лакцев-кулинцев (Гаджиева С.Ш., 1985. С. 221–222).

Дагестанская свадьба всегда была насыщена музыкой, песнями, танцами, красочным ритуалом.

Центральным актом свадебного торжества являлся переезд невесты в дом жениха. Предшествовало этому скрепление брачного союза религиозным обрядом.

За невестой отправлялись либо после обеда второго дня свадьбы, либо вечером с наступлением сумерек в одних местах на арбе, в других – на лошади, в горных районах иногда и пешком. Богатые кумыки, дагестанские азербайджанцы приезжали за невестой на фаэтоне. Процессию обязательно сопровождали всадники на конях. На обратном пути они стреляли в воздух. Сопровождавшие невесту женщины несли светильник, факелы (в горах). У аварцев (ср. Чох) горящий факел (кан), принесенный невестой из ее родительского дома, тут же бросался в очаг в доме жениха. «Этим действием невеста приобщалась к новой семье» (Гаджиева С.Ш., 1985. С. 230).

Свадебный поезд включал несколько представителей дома невесты, в обязанности которых входила забота о невесте. Всю дорогу до самого дома жениха женщины пели обрядовые песни, в которых прославляли жениха, невесту, их родителей и близких родственников. По дороге молодежь неоднократно останавливала свадебный поезд, преграждая дорогу и требуя выкуп.

У ворот дома жениха свадебный поезд встречали все родственники жениха. Сопровождающие требовали за невесту вознаграждения. Навстречу невесте выводили бычка, которому тут же отрезали кончик уха в знак передачи его невесте. Только после этого только свадебный поезд невесты отъезжал во двор. Невесту и всех прибывших с нею осыпали конфетами, сахаром, кишмишом, мукой. Перед тем, как ввести невесту в комнату, ей клали в рот мед, потом, обмакнув ее руки в мед, оставляли отпечатки пальцев у двери, а у входа в комнату стелили под ноги невесте шелковое полотнище или овечью шкуру, коврик.

Мед, полотнище, мука, сахар и пр. должны были, по представлениям народа, способствовать созданию дружной семьи, обилию и материальному благополучию в доме. После всех этих процедур невесту вводили в помещение и сажали за занавеской. В этой же комнате размещалась ее свита. Поздно ночью, после ухода гостей, в эту комнату тайком, в сопровождении своего друга, жених приходил к невесте.

Утром третьего дня свадьбы совершался обряд открывания лица невесты. Все родственники и родственницы жениха одаривали невестку подарками. Она, в свою очередь, делала подарки родственникам жениха. Эти одаривания были крайне обременительны для обеих сторон, так как требовали больших расходов. К тому же, часто они вызывали недовольство со стороны тех, кто получал подарки (одного одарили больше, другого меньше). Споры и обиды такого рода длились подолгу и иногда в результате этого складывались недружелюбные отношения между невесткой и родственниками мужа.

В послеобеденное время третьего или четвертого дня свадьбы состоятельные люди устраивали конные скачки. Свадьба, в основном, этим и завершалась и начинался послесвадебный церемониал, который растягивался на несколько месяцев.

Послесвадебные обряды народов Дагестана также были наполнены большим содержанием и были красочны по форме. В частности, через несколько дней после свадьбы выполнялся обряд «приобщения невесты к хозяйственной деятельности в доме мужа». После этого ритуала невестка могла более или менее свободно входить в комнату родителей мужа, разговаривать со свекровью, но не со свекром. Информаторы отмечают, что бывали случаи, когда невеста не разговаривала со свекром до самой смерти. Интересно проходила эта церемония у тюркоязычных народов Дагестана. Так, например, у кумыков невеста в сопровождении наставницы и подруг входила в семейную комнату, где сидели женщины патронимической группы мужа. Невесту подводили поочередно к родственникам мужа по старшинству, которых она обнимала и одаривала. Участники приема говорили невестке много добрых пожеланий. У дагестанских азербайджанцев молодая хозяйка так же подходила к родственникам мужа и, нагнувшись перед каждым, лила им

на руки одеколон. Перед уходом невесты в свою комнату, где ее ждала молодежь, ей давали щепотку соли (кумыки). В прошлом этот обычай имел не только хозяйственный, но и магический смысл: он должен был обеспечить молодым добрую и счастливую жизнь. Кроме того, обычай давать молодой хозяйке соль связан, видимо, с тем, что у некоторых народов соль сама по себе и в сочетании с другими предметами служила оберегом. У узбеков Хорезма, например, «она же играла важную роль в культуре плодородия» (Снесарев Г.П., 1969. С. 39).

В других обществах (горцы) невестке вручали большой хлеб, испеченный в горячей золе. У самурских лезгин при входе невестки в хозяйственную комнату ее осыпали мукой, а сама невестка бросала горстку муки в очаг.

К послесвадебному церемониалу относится и обряд «хождения за водой», который у части горских народов (аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины) устраивался через 3–4 дня, а у равнинных – спустя 15–20 дней.

После совершения этого обряда невестка принимала на себя целый ряд обязательств по ведению домашнего хозяйства, а у горской невестки начиналась ее трудовая деятельность и в поле.

По истечении определенного времени молодая хозяйка с подарками отправлялась в гости в дом своих родителей. Этот обычай известен под названием «возвращения домой». Отец девушки перед уходом одаривал дочь ценным подарком. В горных районах часто он дарил дочери корову, телку или пахотный участок, а на равнине – ковер, красивый палас. Этим актом заканчивались обряды послесвадебного церемониала. Непосредственно к этому церемониалу примыкает обычай поочередного приглашения молодых близкими родственниками мужа и одаривание их подарками. По истечении определенного времени начинались обряды, предпринимаемые для снятия запретов, связанных с избеганием.

У многих народов существовал, кроме того, обычай, по которому молодого мужа официально приглашали в дом его же родителей. Несмотря на это официальное приглашение, молодой муж определенное время только тайком заходил на ночь к своей жене. Согласно традиционному этикету, он вставал рано утром и уходил на работу в поле на целый день, чтобы не попадаться на глаза старшим родственникам. Так же старалась не попадаться на глаза старшим (особенно, мужчинам) невестка, хотя она и выполняла многочисленные обязанности по хозяйству.

В советский период в культуре и быте народов Дагестана, в их образе жизни, в целом, и в семейно-брачных отношениях, в том числе, свадьбе, свадебных обычаях и обрядах произошли существенные изменения. Прежде всего, уже с первых лет Советской власти стали постепенно исчезать запреты, препятствовавшие молодежи свободно выбирать себе брачного партнера. Как правило, браки стали заключаться на основе обоюдного согласия и взаимной любви юноши и девушки. В подавляющем большинстве случаев молодые вполне могли обеспечить себя, работая в колхозном и другом производстве и поэтому почти была преодолена экономическая зависимость от родителей, хотя все еще сохранялась традиция женитьбы молодых людей по воле родителей, выдача замуж несовершеннолетних и др. Только после коллективизации и развертывания культурной революции стали постепенно отходить в прошлое старые обычаи и обряды. В этот период, особенно после Великой Отечественной войны, были почти ликвидированы неравные браки, более того, с конца 50-х и начала 60-х г.г., в результате постепенного улучшения условий жизни, подъема материального благосостояния и роста культурного уровня населения, получили дальнейшее развитие многие лучшие народные традиции, сложились новые обычаи и обряды, расширился круг потенциальных женихов и невест, изменилась практика заключения браков. Длительная совместная учеба молодежи в школах, техникумах, в высших учебных заведениях, а также совместная трудовая деятельность помогают молодежи сблизиться, лучше узнать друг друга, и потому молодежь, как правило, не нуждалась в посредниках. При устном опросе в равнинных районах Дагестана, например, оказалось, что 58% опрошенных указали в качестве места знакомства высшие и средние учебные заведения, школу, совхоз, колхоз, другие учреждения; 12% места культурно-массового развлечения (различные кружки художественной самодеятельности), 10% – свадьбу друзей и родственников, 10% были знакомы с детства, 4% – познакомились у родственников и только 6% не назвали места знакомства.

Совершенно очевидно, что при таких широких и разнообразных формах общения молодежи не может быть и речи о сватовстве в старом смысле этого слова. О свободе выбора свидетельствует и рост из года в год социально-смешанных браков. В первые годы Советской власти в Дагестане браки, как в старину, совершались преимущественно внутри одного селения, внутри одной национальности и социально-профессиональной общности. Постепенно эта

традиция была преодолена. Одновременно наблюдался рост межнациональных браков. Так, в Кайтагском районе (даргинцы, кайтаги, кумыки), например, в 1940 г. удельный вес межнациональных браков был равен 6,6%, в 1970 г. – 9,87%, в 1987 г. уже 24%. В с. Маджалис (кумыки, кайтаги, даргинцы) в 1936 г. удельный вес межнациональных браков составлял 18,6%, в 1937 г. – 19,8%, в 1973 г. – 29,3%, а в 1983 г. – 36,7%. По г. Хасавюрту удельный вес межнациональных браков в 1940 г. составлял 13,6%, а в 1984 г. – 38,1% (материалы республиканского ЗАГСа).

Характерной особенностью смешанных браков в советский период (особенно, в 60–70 годы XX в.) является значительное повышение удельного веса браков, заключенных между самими дагестанцами (аварцы – кумычки, кумычки – лезгины, кумычки – даргинцы, даргинцы – лакцы и т. д.). Значительное количество браков заключено между дагестанцами и русскими, украинками. В каждом дагестанском селении можно было встретить такие браки. Этому, несомненно, способствовало общественно-экономическое сближение людей, огромный культурный прогресс, постоянное общение людей разных национальностей на работе, во время учебы, развитие у людей интернационального сознания, разумеется, демократизация брачных отношений. Браки стали заключаться, в основном, по собственному желанию молодых, но обязательно учитывалось и мнение родителей.

В годы Советской власти постепенно стали изживаться браки по материальному расчету, почти искоренились левират и сорорат, обусловленные преимущественно экономическими соображениями. Постепенно стало искореняться и взимание калыма и других выплат семье невесты и наоборот. Из обряда бракосочетания постепенно изживались религиозные аспекты. Повсеместно молодые люди стали регистрировать брак в ЗАГСе. Искоренилась также практика похищения девушек для насильственного вступления в брак. Правда, чаще стал практиковаться «брак уводом», носящий совершенно иной характер, но население по старой привычке называет это похищением. В прошлом главной причиной похищения девушки была невозможность уплаты калыма, сословное неравенство и т. д. В настоящее время к «уводу» прибегают, главным образом, в случае, если девушка или юноша согласны на брак, а родители одной из сторон возражают против него. В этом случае девушка без разрешения родителей регистрирует свой брак и уходит к парню. Однако, таких случаев немного. В большинстве своем родители чаще одобряют выбор дочери и играют свадьбу.

Постепенно изживалась и традиция выдачи замуж несовершеннолетних, которая в прошлом практиковалась широко. Изучение материалов отделов загсов в различных районах Дагестана показывает значительное повышение среднего брачного возраста для девушек, что объясняется стремлением девушек получить до выхода замуж образование, иметь профессию. Чаще всего теперь девушки выходят замуж в возрасте 20–24 лет.

Значительно повысился брачный возраст и юношей. С одной стороны, это было связано со службой в армии, с другой – учебой и получением специальности. Материалы отделов загсов райисполкомов в Хасавюртовском, Кайтагском, Ботлихском, Табасаранском, Ахтынском, Гляратинском районах показывают, что в среднем брачный возраст юношей составляет 23–27 лет. Разница в возрасте вступающих в брак составляет в среднем 3–4 года.

Согласно полевым материалам и личным наблюдениям, новая свадебная обрядность органически вытекает из многовекового народного творчества, включает лучшие традиции прошлого, доказывая тем самым преемственность культуры и быта народов. Многие при этом переосмысливались, творчески перерабатывались и получали другое значение.

Несмотря на то, что браки заключались по взаимному согласию юноши и девушки, большинство населения выполняло все основные предсвадебные, свадебные и послесвадебные обряды – сватовство, обручение, свадебная церемония. Молодые люди, предварительно договорившись о женитьбе, сообщали об этом своим родителям. Решение молодых обсуждалось на семейном совете обеих сторон. Семьи, обычно, внимательно и чутко относились к решению молодых и, как правило, одобряли его, если не видели в этом проявления легкомыслия. Если родители считали выбор дочери или сына неудачным, они делали попытку вмешаться. Однако, право решающего голоса и в этом случае оставалось за молодыми людьми.

После обсуждения решения молодых на семейном совете почти полностью соблюдался традиционный обряд сватовства. Полученные нами, путем опроса материалы свидетельствуют, что сватовство у народов Дагестана бытует весьма широко.

Точно так же, как и в прошлом, в советское время за сватовством следовало обручение с преподнесением подарков невесте. Но обручение стали оформлять в более узком кругу родственников и друзей и очень часто – одновременно со сватовством.

В советское время значительно сократился период от сватовства до свадьбы. Благодаря росту материального благосостояния народа отсрочки свадьбы по экономическим соображениям стали редкими. Чаще они бывали связаны со службой юноши в рядах Советской Армии или завершением учебы молодых или с какими-нибудь печальными событиями в семьях жениха и невесты. В любом случае этот промежуток стороны жениха и невесты использовали для подготовки свадебного наряда вступающих в брак, приобретением мебели и т.д., а также для психологической подготовки новобрачных к семейной жизни.

К традиции обручения население относится и сегодня положительно. Она распространена у многих народов. На наш взгляд, она позволяет избежать возможных ошибок, «скороспелых» браков. Не случайно, в нашей стране с 30 июля 1969 г. введен новый закон о порядке регистрации браков, предусматривающий 30 дней на дополнительные раздумья.

Как до обручения, так и после него, жених мог встречаться со своей невестой на улице, в общественных местах. Это уже не вызывало осуждения со стороны населения и позволяло молодым лучше узнать друг друга. Обычай «избегания» после сватовства, обязательный в прошлом для многих народов, стал соблюдаться в единичных случаях и в сокращенном объеме. У кумыков, например, по-прежнему в ряде случаев после сватовства невеста избегает называть по имени родственников жениха. Как и в прошлом, она старается давать им ласкательные и уважительные имена. В большинстве же молодежь свободна от каких бы то ни было старых обычаев и ограничений, которые, по их мнению, ущемляли их права. К свадьбе, как и прежде, готовились тщательно, несколько месяцев. Во многих районах Дагестана, по решению общественных сходов, свадьбы назначались на относительно свободное от полевых работ время, т. е. осенью или в начале зимы. За несколько дней до свадьбы договаривались с музыкантами, приобретали красиво оформленные пригласительные билеты. Накануне или в день свадьбы регистрировали брак в «Домах бракосочетания», в Домах культуры, в загсе, в клубах, сельском или поселковом совете. Этому акту все слои и группы населения стали придавать особо важное значение. Ни одна мать не соглашалась выдать свою дочь замуж без предварительной регистрации брака.

Процедура регистрации брака обставлялась очень торжественно. В помещении загса, которое убиралось цветами, собирались в этот день представители общественности, знатные люди села, многодетные матери. В назначенный час в украшенных лентами и шелковыми платками машинах, отдельно друг от друга приезжали жених и невеста в сопровождении своих близких, друзей. Молодые вместе со свитой входили в зал, подписывали документ о регистрации брака и обменивались обручальными кольцами. После этого к новобрачным с добрыми пожеланиями и поздравлениями обращались представители общественности, депутаты местных Советов, главы дружных и многодетных семей. Обручальное кольцо в то время было новым явлением для дагестанских народов и совершенно неизвестным атрибутом в традиционном брачном ритуале прошлого. Этот обычай пришел в село из города и органично влился в современный свадебный ритуал. После официальной церемонии часто тут же в загсе устраивалось небольшое угощение. Обычно это происходило по инициативе друзей жениха и невесты. Затем, если регистрация брака происходила накануне свадьбы, подруги невесты и друзья жениха развозили их по домам.

В воскресенье (если свадьбу проводили в этот день) в полдень от жениха за невестой отправлялась специальная процессия. В отличие от прошлого иногда в этой процессии принимал участие и сам жених, что представляло совершенно новое явление в традиции дагестанских свадеб.

Очень торжественно совершался переезд невесты в дом жениха. Повеселившись в доме невесты, «посольство» увозило ее к жениху. Под звуки музыки и песен ее сажали в украшенную лентами машину. Невеста обычно была в белом платье из гипюра, с капроновым шарфом на голове, а жених – в черном костюме и белой рубашке. Вместе с невестой в машину иногда садился жених, ее подруги и сопровождающая невесту женщина. В доме жениха невесту встречали с песнями и танцами, осыпали конфетами, рисом, кишмишом, кое-где, по старой традиции, мукой, стелили под ноги ковер или шелковую ткань, давали невесте попробовать мед или шербет. Все эти действия давно утратили свою магическую окраску, однако, по-прежнему символизируют добрые пожелания. Их осуществление создает и укрепляет атмосферу торжества и счастья, оживляет и украшает свадьбу.

Затем невесту и ее свиту вводили в заранее подготовленную для них комнату.

Утром второго дня свадьбы совершался обряд «открывания лица» невесты, а еще через день – обряд приобщения новобрачной к хозяйственной деятельности семьи мужа (в прошлом это происходило через 5, иногда и через 15 дней) или акт приглашения невесты в общую столовую. В советское время этот обряд превращен в торжественный прием невесты в узком семейном кругу. Изменение времени обряда продиктовано жизнью, новым социальным положением женщины, активным участием ее в хозяйственной и культурной жизни села, поселка.

Последним этапом новой свадьбы являлся акт торжественного вывода новобрачной за водой, в окружении подруг и родственников мужа. По старой традиции, у родника (позже у водопровода) невеста раздавала сладости, подруги пели песни, а новобрачная в это время наполняла кувшины всех присутствующих женщин.

Следует отметить еще одну новую деталь советских свадебных обрядов – свадебные торжества с участием широкого круга гостей, в том числе, друзей, товарищей и подруг невесты, музыкантов с песнями и танцами проводились не только в доме жениха, но и в доме невесты. В этом изменении усматривается социальное равенство полов, новое положение женщины в семье и обществе.

В конце 50-х годов, как и по всей стране, в Дагестане также стали справляться так называемые «комсомольские свадьбы», в организации которых активно участвовали комсомольцы и общественность села, товарищи по учебе и работе. Такие свадьбы проводились в клубах, домах и дворцах культуры. На них приглашались лучшие люди села, поселка, певцы, танцоры, оркестр и другие самодеятельные коллективы. В торжественной обстановке молодым вручали свидетельство о браке и коллективные подарки. Кроме подарков общественные организации оказывали молодым материальную помощь в проведении свадьбы и обзаведении хозяйством. Как правило, на комсомольских свадьбах традиционные обычаи и обряды не соблюдались совершенно.

Однако, такие свадьбы не получили широкого распространения. Это объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что родители и родня молодоженов выглядели на них не хозяевами, а гостями. Родственники, близкие жениха и невесты оказываются на таких свадьбах пассивными наблюдателями. Кроме того, не оправдан и полный отказ от традиционного церемониала, свадебного фольклора, привычного и ценимого народом. Пожилые информаторы высказывались за «современную национальную свадьбу», и только небольшая часть опрошенного населения была за комсомольскую свадьбу с элементами национального ритуала.

Те, которые предпочитали современную национальную свадьбу, отмечали ряд достоинств и комсомольской свадьбы – не нужно давать калым, жених и невеста активно участвуют в праздничном веселье и др. И, тем не менее, национальная свадьба для них предпочтительней своей красочностью и торжественностью.

В те годы на страницах республиканских газет неоднократно поднимался вопрос о калыме. Хотя институт калыма был ликвидирован советским законом, его пережиточные формы в силу инерции еще сохранились и сохраняются сегодня. В некоторых населенных пунктах устанавливались «нормы» калыма. Это обстоятельство делало для некоторых семей женитьбу сына, весьма, обременительной, рождало неравенство в быту.

Отрицательное отношение со стороны населения вызывал и сбор денег с гостей на свадьбе. Хороший старый обычай взаимопомощи был превращен в форму вымогательства. Большое недовольство вызывало раздельное угощение мужчин и женщин на большинстве свадеб. Кроме того, почти все социальные слои населения старались проводить богатые праздничные застолья с приготовлением блюд в достаточно разнообразном ассортименте. Для одних подобные застолья были более обременительны, для других менее, но каждый старался перещеголять другого и эти престижные соображения, когда превышаются разумные нормы расходов, играют отрицательную роль. Люди требовали и требуют быстрее упорядочения, ограничения, сокращения бессмысленных, а порой разорительных затрат для большинства населения, иначе народные традиции, по их мнению, постепенно могут превратиться в мещанское потребительство.

Отрицательное отношение к ряду обычаев не исключает того, что население подчеркивало и положительные стороны традиционной свадебной обрядности. На наш вопрос, «Какие элементы из старинного свадебного ритуала Вам хотелось бы сохранить в новых свадьбах?», почти все информаторы старшего возраста отвечали, что в современных свадьбах желательно оставить национальные обрядовые песни, танцы, досвадебный и послесвадебный церемониал и атмосферу уважения к жениху невесте, оказываемого их родней. Они не исключали и шуточные представления, всевозможные песенные соревнования, а также привычные и любимые

национальные блюда и национальные костюмы. Кроме того, большинство опрошенных подчеркивает необходимость соблюдения сдержанного отношения между женихом и невестой (не проявлять своих чувств при людях, избегать открытого ухаживания), которые ассоциируются в народе с достоинством человека. В целом, народ стремился сохранить те обряды, которые символизируют мир и согласие, коллективизм и взаимоподдержку, красоту и эмоциональную выразительность всех свадебных циклов, всех обрядов, воспитывающих у молодежи чувства социальной ответственности друг за друга, взаимоуважения и поддержки.

В традиционной свадьбе большое место народы Дагестана придавали музыкально-развлекательной стороне свадьбы. Большим разнообразием отличались свадебные песни, записанные нами в с. Маджалис Кайтагского района (южные кумыки). Ни у одного народа свадебно-обрядовые песни не представлены так богато. Каждый этап маджалисской свадьбы обязательно сопровождался песней. Песни эти связаны с началом и окончанием свадьбы, с отправкой послов за невестой, встречей свадебного «поезда» невесты и многими другими моментами свадьбы. Исполняются торжественно-величальные хоровые и сольные песни со специфическими свадебно-обрядовыми мелодиями. При этом распространено как двухголосное, многоголосное, так и одноголосное пение. И те, и другие украшены своеобразными орнаментами, повторами, другими сложными и оригинальными формами. В исполнении хоровых песен обращают на себя внимание традиционные приемы чередования партий солиста и хора. Иногда два-три солиста последовательно исполняют свои партии на фоне хора, как бы соревнуясь между собой. Например, песня «Вайталлай», «Гъай-гъай», «Айнанай». Все свадебные песни исполняются без инструментального сопровождения. Каждая мелодия имеет свое название, точный адрес, направленность и приурочена к определенному моменту свадьбы. Но большинство свадебных песен исполняется во время центрального цикла свадьбы. Кроме того, большая их часть звучит в доме жениха. Часть их посвящена встрече невесты. Есть песни, сочиненные для величания жениха и невесты и т. д. В качестве исполнителей выступают родственницы жениха и невесты. В целом, свадебные песни, поэтические состязания, музыка, танцы на свадьбе имели большое эстетическое и воспитательное значение, приобщали его участников к художественному творчеству, к восприятию прекрасного. Очень жаль, что сегодня эти уникальные мелодии почти забыты.

Итак, за годы Советской власти традиционный дагестанский свадебный ритуал претерпел огромные изменения. Наблюдается отмирание отдельных обрядов или некоторых их элементов в связи с тем, что они утратили свой социальный смысл и значение. На смену им приходят новые обычаи, основанные на принципах равенства сторон, взаимной любви и уважения, сложились новые, интернациональные традиции и обычаи, которые более соответствуют новому образу жизни. Наибольшие изменения претерпели те элементы свадебной обрядности, которые были непосредственно связаны с системой выкупов. Часть этих выкупов постепенно принимала формы дарообмена, а другая часть продолжала сохраняться, но приобретала денежную форму. Определенной трансформации подверглись также и обычаи избегания: сокращались сроки их соблюдения, сужался круг лиц, на которые они распространялись. После свадьбы постепенно сокращался срок пребывания молодой в доме своих родителей. Изменилась мотивировка ее пребывания. Такое посещение начало осознаваться только как визит. Равным образом сокращалось время пребывания жениха и невесты и в «других домах»: сужался ареал бытования этого обычая.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агларов М.А.*, 1964. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев в XIX в. // СЭ. № 6. М.
- Алимова Б.М.*, 1989. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем. Махачкала.
- Гаджиева С.Ш.*, 1985. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.
- Исламмагомедов А.И.*, 2002. Аварцы. Историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XX в. Махачкала.
- Ихлов М.М.*, 1967. Народности лезгинской группы. Махачкала.
- Курбанов К.Э.*, 1974. Брак и свадебные обряды цахуров в XIX – начале XX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана / Сб. научных сообщений. Махачкала.
- Листова Н.М.*, 1983. Пища в обычаях и обрядах // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.

Мусаев Г.М.-С., 1997. Рутулы (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Махачкала.

Семенов Н., 1895. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.

Снесарев Г.П., 1969. Реликты домусульманских верований и обрядов узбеков Хорезма. М.

Филимонова Т.Д., 1983. Вода в календарных обрядах // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.